

УДК 82-31
DOI 10.17223/18137083/57/9

Т. А. Богумил

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Голубая Дама: барнаульский текст и миф*

Рассматривается ключевая для барнаульского текста легенда о Голубой Даме: ее варианты, архетип, литературные обработки. Самый известный вариант легенды представлен в повести М. И. Юдалевича «Голубая Дама» (1981). Жанр произведения наследует традиции исторической повести и готической прозы, воспринятые сквозь творчество А. С. Пушкина и А. А. Бестужева-Марлинского. Об этом свидетельствуют межтекстовые переключки и автометаописательные высказывания, проанализированные в статье. Барнаульский текст по ряду параметров (гидроним, архитектура, этиологический и эсхатологический миф) сближается с петербургским текстом. Легенда о Голубой Даме фиксирует главную точку соприкосновения – архетип строительной жертвы. Мифологический инвариант актуализируется в современной барнаульской неоромантической прозе.

Ключевые слова: локальный текст, претекст, архетип, строительная жертва, Барнаул, Голубая Дама.

Как и всякий другой город, Барнаул отзеркален текстом о нем самом. Среди городского фольклора особой известностью пользуется легенда о Голубой Даме – привидении Дома начальника Алтайского горного округа, ныне здания городской администрации.

Первое известное нам литературное упоминание о призраке принадлежит Александру Александровичу Черкасову, писателю XIX в. В 1870 г. он остановился проездом в доме горного начальника. Ему отвели комнату нежилого нижнего этажа, вторую от сада. В сумерках, отдыхая на диване, Черкасов услышал отдаленные звуки превосходной игры на рояле и решил, что это жена хозяина. «Спите?» – окликнул его лакей. Черкасов ответил, что нет, и пошел пить чай. Оглядывая по пути залу и гостиную, он не обнаружил рояля. Выяснилось, что он

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геопоэтики В. М. Шукшина».

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы филологического факультета Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656001, Россия; tbogumil@mail.ru)

не первый слышит звуки музыки, хотя инструмент отсутствует. Более того, «в этом доме изредка чудится и показывается какая-то фигура в образе женщины, которую и называют Синяя Дама», по цвету одежды. Через несколько лет, когда в доме жил другой горный начальник, барышни гадали столоверчением. Стол «поведал», что «Синяя Дама – Лариса, которая лежит в саду под колодой около задней калитки, просит отрыть ее прах, отпеть и предать погребению» [Черкасов, 1994, с. 626–628].

Мистическая история, скроенная по лекалам романтизма, так и осталась бы малоизвестной быличкой, зародышем городской легенды, если бы не М. И. Юдалевич, который, во-первых, укоренил ее в современной ему действительности¹, во-вторых, реалистически объяснил чудо в повести «Голубая Дама» (1981) и, в-третьих, закрепил сюжет многократным пересказом в краеведческих работах. Суть истории сводится к следующему: жестокосердный городской начальник заподозрил в измене молодую жену и замуровал ее в подвале своего дома сразу после бала, где она неосторожно себя повела. Убитая без покаяния, она выходит из могилы в виде привидения. Надо сказать, что в общих чертах подобная фабула – достояние мирового фольклора, однако нам не удалось прочесть такую предысторию барнаульского призрака нигде, кроме как у Юдалевича.

Существует другой вариант легенды, бытовавший в Барнауле в 1905–1907 гг. и пересказанный в автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору». Дочь «богатея» и «революционерка», покусившаяся на жизнь губернатора на балу в честь именин императора, повесилась в камере, расположенной в подвале Дома, прямо в бальном платье. Ее дух якобы является в зеркале на этом месте ежегодно в день ее гибели [Зверев, 2012, с. 404–405]. «Заимка в бору» М. Д. Зверева была впервые опубликована в г. Алма-Ата в 1976 г., но вряд ли была известна М. И. Юдалевичу до 1985 г., когда повесть была подготовлена к печати на Алтае [Там же].

Стало быть, существовали разные варианты городской легенды либо Юдалевич творчески переработал фольклорный источник. Тот факт, что в повести «Голубая дама» он выступает в традиционной мистифицирующей роли издателя чужого дневника, дает основание предположить, что легенда – его выдумка. В любом случае, прижилась именно его версия. И это не случайно.

Жанр произведения Юдалевича – историческая повесть – весьма благодатен для региональной литературы. Здесь сошлись три элемента, определяющих неповторимый облик места: природа, история, этнос. Плюс авантюрно-мелодраматический сюжет – и рецепт успешного артефакта готов. Именно эти составляющие обеспечили феерический успех спектакля, а затем и повести «Голубая дама» [Юдалевич, 2008, т. 2, с. 305–307].

Местный колорит – а это, пожалуй, главный предмет интереса регионального писателя – воссоздается при помощи рассказчиков. Автор-краевед проговаривается в монологах Юлии о кулинарии, архитектуре, заводе, базаре Барнаула [Юдалевич, 2008, т. 4, с. 104, 128–129, 135, 151], в реплике Юрия о сложившемся в Сибири этносе, где «встретилась... Русь с Калмыкией» [Там же, с. 112]. Отметим фонетическое «двойничество» Юлии/Юрия, отрефлектированное героиней: «он приходится мне почти что тезкой» [Там же, с. 125]. На уровне персонажей параграмма имен прочитывается как предназначенность друг другу. Созвучие Юлия/Юрий/Юдалевич выявляет близость и различие повествующих субъектов: автора и рассказчиков. Персонажи объединены еще в одном слове – *Барнаул*

¹ «В детстве мне приходилось встречать горожан, утверждавших, что они своими глазами видели, как в полночь гуляет по саду, поднимается по лестнице и заходит в дом Голубая Дама...» [Юдалевич, 2008, т. 4, с. 96].

(ул/ур). Их жизнь и смерть роковым образом связаны с городом. Добавим, что имя гостеприимного горного начальника, у которого остановился первый очевидец приведения, – *Юлий* Иванович Эйвальд [Черкасов, 1994, с. 626]. Не намек ли это на подлинный первоисточник легенды – текст А. А. Черкасова?

Итак, частная мелодраматическая история вписана в «большое» пространство и время: алтайскую природу, культуру и историческую ситуацию, знаковую для сибирского текста, – эпоху декабристов. На Алтай, как известно, их не ссылали, но писатель находит выход: пусть не сама героиня, но ее подруга-двойник («судьбы наши во многом схожи» [Юдалевич, 2008, т. 4, с. 99]) оказывается женой декабриста, переписка девушек становится поводом к конфликту с мужем и раскрытию его неблагоприятных душевных качеств, сочувствие декабрьскому восстанию сближает Юлию и Юрия. Декабристы – сугубо сибирский исторический фон, ставший катализатором семейной драмы и истинной любви.

Косвенно, через посредничество персонажа и отрицание, указываются претексты повести. Юрий Зарицын пишет по поводу дневника героини: «Автор записок уверяла меня, что она не тщеславна. Помыслами прорваться в тесный круг сочинителей не обуреваема. Похвально! Ведь каждый сочинитель почитает себя ежели не господином Вольтером, то уж во всяком разе Дидеротом и ни за какие пироги не унизится до Пушкина или Марлинского» [Там же, с. 111]. Стало быть, ориентир данного произведения – творчество двух Александров, Пушкина и Бестужева-Марлинского. Сопряжение для современного слуха странное, но если учесть, что в 30-е гг. XIX в., когда происходит действие повести, Марлинский почитался «Пушкиным прозой», то вполне оправданное.

Юдалевич использует типичный арсенал мотивов исторической повести и готической прозы, позаимствованный им, как видится, из произведений указанных авторов. Принципиальная установка на литературную традицию середины XIX в. воплощается на всех уровнях произведения. Письменная речь дневника умело стилизована, что подчеркнуто мнимым издателем: «...изменив орфографию, сократив длинноты, переведя на русский язык французские выражения, но сохранив галлицизмы в синтаксисе, предлагаю рукопись читателям» [Там же, с. 97]. Подобный «перевод» с французского на русский осуществлял Пушкин, предлагая читателям письмо Татьяны к Онегину. Он же прятался за маской издателя в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина». Эти претексты проявляются на уровне композиции, сюжета, в речах Юлии. Вспоминая свою подругу-двойника (реальное историческое лицо, Наталью Фонвизину), она полагает ее прототипом Татьяны Лариной [Там же, с. 163]. Современники, да и сама Фонвизина, действительно, усматривали определенное сходство в судьбах героини Пушкина и будущей жены декабриста. Происхождение Юлии – наполовину дворянка, наполовину крестьянка – напоминает счастливый мезальянс дочери станционного смотрителя. Дуэль Зарицына и графа Броницкого рифмуется с «Выстрелом», где выстрел в человека замещается поражением предмета (портрет / ветка дерева), а герой, почти не целясь, побеждает своей меткостью. Во время холеры Юлия передается в крестьянку и переправляется на другой берег Оби к Юрию². «Комедия» завершается разоблачением девушки. Мотив узнаваем, но слово о нем появится позже, когда спасенная от мужа-душегуба героиня, переодевшись солдатом, уедет из Барнаула в потайную таежную деревню: «Из солдата я обратилась в крестьянку, но не в ту крестьянку-барышню, о которой недавно и столь удивительно живо написал наш славный сочинитель Александр Сергеевич Пушкин. – крестьянка неподложная» [Юдалевич, 2008, т. 4, с. 211]. Отчество

² Кстати, Пушкин пишет «Повести Белкина», вынужденно проживая в с. Михайловском из-за эпидемии холеры.

Юлии – Андриановна – отсылает к варианту имени гробовщика Адриана Прохорова и задает готический вектор повести. Подобно тексту Пушкина, где приход мертвецов происходит, как оказалось, во сне, появление привидения получает реалистическую мотивировку: «покойница» не умирала, она намеренно пугает «вдовца», мстит за убитого возлюбленного. Канва судьбы героини есть авантурный ряд превращений: «Была барыней, солдатом, крестьянкой. Теперь я – призрак» [Там же, с. 226].

Повесть Юдалевича лишена иронического тона, свойственного «Повестям Белкина». Связано это с тем, что в орбиту пушкинских претекстов вовлекаются такие серьезные произведения, как «Капитанская дочка» и «Дубровский». Отсюда наследуются авантурные мотивы – любовь с препятствиями и встреча с благородным разбойником (с Ваньшей / беглецом Сорокой). «Капитанская дочка» предопределила жанр алтайского произведения – историческая повесть.

В свою очередь, готическая фабула восходит к рассказу А. Бестужева-Марлинского «Латник» (1831). Маркером обращения к этому тексту служит, прежде всего, имя рассказчика одной из таинственных историй – поручика Зарницкого (ср. Зарицын у Юдалевича). Представим схожие моменты в таблице.

«Латник»
[Бестужев-Марлинский, 1981]

«Голубая Дама»
[Юдалевич, 2008, т. 4]

Группировка персонажей – треугольник

Тиран-отец – непослушная дочь – ее возлюбленный, учитель

Тиран-старик-муж – непослушная юная жена – ее возлюбленный, изменивший ее мировоззрение

Фабула

Жестокосердный отец разлучает возлюбленных, поймав после побега и венчания. Дочь, объявленная сумасшедшей, разрешившись от бремени, умирает. Ее муж замучен в подвалах дома. Отцу является привидение дочери, он сходит с ума, покидает имение, вскоре умирает

Муж-тиран замуровывает в подвале дома непослушную жену. Она спасается, сбегает из города, соединяется с возлюбленным. Возлюбленный возвращается в город, его убивают. Она остается беременной. Является мужу в виде привидения, доводит его до припадков

Психологическая мотивировка

«Угнетение, уничтожение, под которыми держали ее, пробудили в ней гордую душу, которая без того никогда бы, может быть, не проснулась» (с. 437–438)

«Несмотря на то, что мы помирились с мужем, прежнее равновесие в нашей семье утеряно» (с. 10).

«Я ли не была верной женой ему! Я ли не старалась любить его! И как подло оскорблял он меня грубостью, подозрительностью, недоверием!» (с. 225)

Хронотон

«Ходили слухи, что он был... брошен в один из подвалов, где и был уморен с голоду. <...> Слышали стоны в подполье и узнавали в них голос учителя, что потом он начал стихать, стихать и, наконец, замер в таком страшном

«Разные слухи ходят здесь про генерала. Говорят, что он самочинно расправляется с неугодными людьми. Слышала я даже, будто расправа та ведется в глухих подвалах дома. <...> ...Мне даже однажды показалось, буд-

вопле, что от одного рассказа вставали дыбом волосы. Говорили еще, будто видели в следующую ночь, что мелькал огонь в отдушине подвала, где сидел Баянов, слышали, как там брякали лопатки, как что-то закапывали, закладывали камнем» (с. 443–444)

то снизу донесся не то вскрик, не то стон» (с. 103)

Героиню замуровывают в подвале, где на железной цепи прикован беглец Сорочка³, который ее спасает

Месть

«Вскоре после смерти дочери в князе заметили чудесную перемену. Его злое, дерзкое лицо покрылось бледностью; походка стала робка и нерешительна, глаза подернулись дымною оболочкою. Иногда, среди белого дня, он останавливался на быстром ходу и, весь трепеща, отступал; иногда вскакивал с кресел, произнося невнятные слова. <...> Вдруг в одну ночь он с воплем выбежал из спальни своей, бледный, испуганный; в одной сорочке, он сам походил тогда на мертвеца. <...> Через полтора года князя нашли мертвым в постеле» (с. 444–445)

Юлия в голубом бальном платье является генералу как привидение:

«– А-а-а, – заорал он нечеловеческим голосом и бросился бежать. В дверях запнулся за порожек, упал, но фонаря не выпустил и, завывая, пытаясь выговорить какие-то слова, пополз по полу... <...> В несколько дней обратился он в трясущегося старичка и даже исхитрился как-то уменьшиться в размерах...» (с. 226)

Итак, поэтика исторической повести, как и поэтика готической прозы, восприняты и стилизованы Юдалевичем именно сквозь призму Пушкина и Марлинского, современников эпохи, которую реконструирует писатель.

Архетипическое двойничество города и женщины [Топоров, 1987] позволяет прочитать в повести еще один сюжет – историко-политический, не лишенный актуальности на момент написания тенденциозности. Это история о бесплодном браке с представителем царской власти – ограниченным, жестоким, бесчеловечным самодуром, обреченным на «измену», безумие и смерть. О выборе женщиной свободомыслящего со-декабриста. Союз любящих краток и трагичен, но провиденциален (созвучие имен Юлия/Юрий) и плодотворен, ведь героиня – беременна, а значит, у их любви есть будущее. Измена оборачивается подлинным браком. Выбор героини предопределяет исторический вектор развития города и страны.

Если отвлечься от социально-исторической составляющей легенды и попытаться обнаружить ее инвариантную основу, то она коренится в древнем обряде строительной жертвы – замуровывании человека (часто – женщины) в фундамент или стену строения (дом, мост, крепостная стена и пр.) с охранительными целями⁴. Не случайно именно этот вариант легенды стал краеугольным камнем барнаульской мифологии, базисом региональной литературы. Он неизменно упоминается во всех городских экскурсиях, ряде художественных текстов о Барнауле. Так, в последнем романе В. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» Голубая Дама мелькает на балу-маскараде: «Красавица блистала в пышном, шикарном, голубом бальном платье» [Токмаков, 2014, с. 227]. Голубая Дама множится, реинкарнируется, превращается в мертвую невесту-русалку, в Александру

³ Легендарный разбойник, персонаж барнаульского горнозаводского фольклора, известный тем, что никакие запоры и кандалы не могли его удержать.

⁴ Суворова А. А. «Замурованная невеста»: этюд на гендерную тему // Слово: Образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41190.php>

Васильевну Боголюбскую (*femme fatale* Н. М. Ядринцева), в первую любовь героя Настю, в его роковую любовь Дашу-Ранетку. Она же, по рифме судьбы, – жертва угольников, зарытая в котловане строящегося драмтеатра [Токмаков, 2014, с. 67]. Более того, весь город якобы стоит на месте Акулькиной/Ведьминой топи, где «с незапамятных времен самосудом топили уличенных в колдовстве женщин» [Там же, с. 66]. У Токмакова, как видится, Голубая Дама – Душа Барнаула, многоликая, прекрасная и смертельно опасная, сквозящая между реальностью и сном, фантазией, иным миром. Подобно Голубому Цветку Новалиса, Софии Вяч. Иванова, Прекрасной Даме Блока⁵, она – вечно притягательный идеал, постигнуть который можно, умерев и вновь родившись.

Так городская легенда о Голубой Даме на протяжении почти 250 лет прошла ряд метаморфоз: от романтического видения, полусна-полуяви, через реалистическое обоснование к неоромантической интерпретации, обнажившей ее корни – архетип строительной жертвы.

Остается добавить, что барнаульский текст строится в общих чертах по аналогии с петербургским. Здесь важно указать на «болотистое» основание Барнаула: один из переводов гидронима – «мутная вода». И на изначально рациональную архитектуру города как плана, схемы, т. е. преодоления человеком стихии. Барнаул также имеет свой эсхатологический миф о потопе и пожаре, связанный с именем основателя города (Акинфий Демидов = Петр I) и задающий тему «города на крови», которому «пусту быть». Барнаул – своего рода алтайский Петербург, но в сниженном, травестированном варианте. Что, впрочем, не отменяет имперских замашек барнаульцев быть «пупом Евразии», точкой перехода в иные реальности (см. тексты В. Токмакова, А. Коробейщикова).

Список литературы

Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Повести. Рассказы. М.: Худож. лит., 1981. 487 с.

Десятков В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст: Литературоведение: Ч. 1. Санкт-Петербург; Барнаул, 1998. С. 187–199.

Зверев М. Д. Заимка в бору // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: В 5 т. Т. 5: 1970–1980 гг. / Под ред. Д. В. Марьина. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2012. С. 389–448.

Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне Конца света. Барнаул: Алтай, 2014. 328 с.

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. М.: Физкультура и спорт, 1994. 640 с.

Юдаlevич М. И. Избранное: В 5 т. Т. 4: Повести. Барнаул: Алтайский дом печати, 2008. 271 с.

Юдаlevич М. И. «Я – Голубая Дама» // Юдаlevич М. И. Избр.: В 5 т. Т. 2: Рассказы. Барнаул: Алтайский дом печати, 2008. С. 305–307.

⁵ Интересные наблюдения о «барнаульском тексте» А. Блока см. в [Десятков, Куляпин, 1998].

T. A. Bogumil

*The Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation; tbogumil@mail.ru*

The Blue Lady: The text and myth of Barnaul

The paper considers the legend about the Blue Lady, the key one for the Barnaul text: its versions, archetype, and literary adaptations. The best-known version of the legend is presented in the story «The Blue Lady» (1981) by M. I. Yudalevich. The story's genre inherits the traditions of the historical story and Gothic prose, apprehended through the texts by Pushkin and A. A. Bestuzhev-Marlinsky. This is witnessed by intertext musters and meta-narrative phrases that are analyzed in the paper. The Barnaul text is similar to the Petersburg text in a number of features (hydronium, architecture, the etiological and eschatological myth). The legend of the Blue Lady fixes the main common ground – an archetype of the building victim. The mythological invariant is updated in modern Barnaul neo-romantic prose.

Keywords: local text, pretext, archetype, building victim, Barnaul, the Blue Lady.

DOI 10.17223/18137083/57/9

References

- Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Sochineniya: V 2 t. T. 1: Povesti. Rasskazy* [Works: in 2 vols. Vol. 1: Novels. Stories]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1981, 487 p.
- Desyatov V. V., Kulyapin A. I. Barnaul'skiy mif v russkoy literature [Barnaul myth in Russian literature]. *Kul'tura i tekst: Literaturovedenie: Ch. I* [Culture and Text: literary criticism: Pt 1]. St. Petersburg, Barnaul, pp. 187–199.
- Zverev M. D. Zaimka v boru [House in the forest]. Mar'in D. V. (ed.). *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv. Antologiya: V 5 t. T. 5: 1970–1980 gg.* [The image of Altai in Russian literature of XIX–XX centuries. Anthology: in 5 vols. Vol. 5: 1970–1980]. Barnaul, Izdatel'skiy Dom "Barnaul", pp. 389–448.
- Tokmakov V. N. *Sbor tryufeley nakanune Kontsa sveta* [Picking truffles up on the eve of the End]. Barnaul, Altaj, 2014, 328 p.
- Toporov V. N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifopoeticheskom aspekte [Text of the city-vergin and the city-harlot in mythopoetical light]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies of the structure of the text]. Moscow, Nauka, pp. 121–132.
- Cherkasov A. A. Iz zapisok sibirskogo okhotnika [From the notes of Siberian hunter]. Moscow, Fizkul'tura i sport, 1994, 640 p.
- Judalevich M. I. *Izbrannoe: V 5 t. T. 4* [Selected works: in 5 vols. Vol. 4]. Barnaul: Altayskiy dom pečati, 2008, 271 p.
- Judalevich M. I. "Ja – Golubaja Dama" [I am the Blue Lady]. Yudalevich M. I. *Izbrannoe: V 5 t. T. 2*. [Selected works: in 5 vols. Vol. 2]. Barnaul, Altayskiy dom pečati, 2008, pp. 305–307.